

«Китайский мудрец, или наука жить благополучно в обществе» (изд. 1773 и 1777 года).¹²

Большой интерес представляют также переводы с китайского, печатавшиеся на страницах сатирических журналов. Крупнейший синолог А. Л. Лентьев помещает в «Трутне» 1769 года «Чензы, китайского философа совет данный государю» (1770, л. VIII), а в «Пустомеле» «Завещание Юнджена, китайского хана, к его сыну» 1770 г. месяц июль.

П. Н. Берков правильно указывает, что «в обоих переводах с китайского было очень много такого, что наталкивало на сопоставление с русской действительностью 1769—1770 гг.». Вот, например, фраза в «Ответе Чензы», которая совершенно злободневно звучала во время толков о роспуске Комиссии 1767 года: «Если учреждения твои будут легкомысленны и, следовательно, не тверды, то ведай, что не только государство свое не исправишь, но и самого тебя исправить трудно будет» («Трутень», 1770, л. VIII). Во втором переводе примечателен эпизод со старым государем, который передает власть наследнику, а в 1770 году Екатерина II, согласно письменному обещанию, должна была уступить власть своему шестнадцатилетнему сыну и при этом формулирует основные принципы своей правительственной системы: «Не отдавайся в обман льстецам и лукавцам и не слушай развратных предложений, ведай, что от добродетельного государева жития в государстве будет мир и согласие...» («Пустомеля», 1770, июль).¹³

Выбрав для перевода книгу «Та-Гио», Фонвизин сделал это, конечно, не случайно. За год до этого (1777) он перевел «Похвальное слово Марку Аврелию» передового французского писателя Тома, который начертал возвышенный образ справедливого и мудрого правителя. Оно привлекло внимание Фонвизина, так как допускало сопоставления с русской действительностью. То же самое следует сказать и о «Та-Гио».

Проблемы государственного управления (права и обязанности монарха), вопросы законодательства и судопроизводства глубоко волновали Фонвизина. Ему был ненавистен произвол, царивший в России, поведение развратной императрицы, частая смена ее фаворитов, дерзко расхищавших государственную казну, отстранение крупных государственных деятелей, деспотическое поведение Потемкина.

Фонвизин как в своих оригинальных, так и переводных произведениях пользовался любым случаем, чтобы доказать, как та страна, где царь владеет сердцами народа и своим собственным, блаженна.

«Та-Гио, или высокая китайская наука» наталкивала читателя на желаемые переводчику выводы, содержала косвенное обличение Екатерины II, давала новый урок самодержавной правительнице, что выдает, между прочим, одна небольшая цензурная подробность.

В «Академических известиях» 1779 года перевод помещен полностью, но среди тридцати четырех примечаний опущено несколько строк в примечании двадцать втором. Примечание это следующее: «Кие и Тшу суть китайские Нероны и Калигулы. Первый изображен в Шу-Кинге и в летописях государем сладострастнейшим и роскошнейшим, не имеющим ни честности,

¹² См.: «Трудолюбивая пчела», 1759, сентябрь, стр. 570; М. П. Алексеев. Пушкин и Китай. сб. «Пушкин и Сибирь», М.—Иркутск, 1937, стр. 116; «СПб. ученые ведомости», 1777, №№ 21, 22, стр. 168 и 170 сл. Ср. также: В. И. Межов. Библиография Азии, т. I. СПб., 1891; А. Н. Неустроев. Указатель к русским современным изданиям и сборникам 1703—1802 гг.». СПб., 1898, стр. 291—292.

¹³ Сатирические журналы Н. И. Новикова, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 25—26.